

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И РЕЗЕРВЫ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

В. К. Левашов^а, О. В. Гребняк^а, О. П. Новоженина^а

^а Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье поднимается проблема «экономического пессимизма» молодого поколения работников, связанного с убеждённостью молодёжи в том, что их трудовые усилия не гарантируют достойного вознаграждения. Целью статьи является анализ социально-политических факторов, препятствующих политизации экономического пессимизма и ограничивающих устойчивый рост трудового потенциала российской молодёжи.

Материалы и методы. Эмпирической основой статьи выступают данные всероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?». Используются методы сравнительного анализа, индексного измерения субъективных установок и контент-анализа официальных документов. Ключевая аналитическая группа – респонденты, согласные с утверждением «Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь».

Результаты. Ежегодно не менее 30% молодёжи (в 2025 году – 38,2%) отвергают связь между трудом и материальным благополучием, при этом сохраняя высокую лояльность к федеральным институтам власти. На основе межгруппового сравнения реконструирован комплексный портрет «трудового пессимиста»: не маргинализированного индивида, а социально включённого участника рынка труда, разочарованного в справедливости системы субъекта, чья пассивность поддерживается за счёт веры в государство как гаранта порядка, а не благосостояния.

Выявлено противоречие между наличием трудовых компетенций и готовностью их практической реализации – эрозия трудового потенциала как системного ресурса. Молодёжь не отвергает труд как таковой, но утрачивает веру в его способность обеспечить достойное существование. Государство воспринимается как гарант стабильности, что позволяет сохранять политическую легитимность даже при разрушении экономической составляющей социального контракта. Высокая лояльность выступает как латентный резерв, компенсирующий экономический пессимизм, но такая ситуационная стабильность остаётся хрупкой. Потенциальные триггеры дестабилизации – внешние или внутренние кризисные события, ослабление гарантий безопасности, углубление социального расслоения способны актуализировать накопленное недовольство.

Обсуждение. Результаты указывают на необходимость перехода от формальных показателей занятости к восстановлению доверия к сущностным качествам социальной справедливости, самого института труда через прозрачные и действующие механизмы мобильности, справедливые зарплаты и преодоление гендерных диспропорций. Игнорирование этих вызовов наращивает скрытый ресурс социальной напряжённости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Трудовой пессимизм, молодёжь, социальный контракт, политическая лояльность, экономическая неопределённость, трудовой потенциал, гендерные различия, социальная мобильность.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья выполнена без внешнего финансирования.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Левашов В. К., Гребняк О. В., Новоженина О. П. Социально-политические риски и резервы трудового потенциала российской молодёжи // Вопросы управления. 2026. Т. 20. № 2. С. 82–99. EDN RFPCBA.

© В. К. Левашов, О. В. Гребняк, О. П. Новоженина, 2026

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левашов Виктор Константинович – доктор социологических наук; Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1) – *директор*; levachov@mail.ru. SPIN 2624-2574, ORCID 0000-0003-4830-2502, Scopus 35958452200, Researcher R-5424-2016.

Гребняк Оксана Валерьевна – Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1) – *научный сотрудник*; oksananov@yandex.ru. SPIN 6256-1918, ORCID 0000-0002-4565-7095, Scopus 57219165144, Researcher AAI-8781-2020.

Новоженина Ольга Петровна – Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1) – *старший научный сотрудник*; olganov@yandex.ru. SPIN 7343-9887, ORCID 0000-0003-3511-0384, Scopus 57192301345, Researcher R-5132-2019.

ВКЛАД АВТОРОВ

Все авторы участвовали в разработке концепции исследования, сборе, обработке и анализе данных, написании текста рукописи, формулировке выводов.

Левашов Виктор Константинович – разработка концепции исследования, научное руководство, доработка и редактирование, формулировка выводов.

Гребняк Оксана Валерьевна – написание оригинального текста, интерпретация результатов, обзор литературы.

Новоженина Ольга Петровна – обработка данных, количественный анализ, визуализация.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании данной статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Статья поступила 31.01.2026; рецензия получена 25.04.2026; принята к публикации 30.04.2026.

RESEARCH ARTICLE

SOCIO-POLITICAL RISKS AND RESERVES OF THE RUSSIAN YOUTH LABOR POTENTIAL

V. K. Levashov ^a, O. V. Grebnyak ^a, O. P. Novozhenina ^a

^a Institute of Socio-Political Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

ABSTRACT

Introduction. The article addresses the issue of “economic pessimism” among the young generation of workers, stemming from youth’s conviction that their labor efforts do not guarantee worthy remuneration. The article’s goal is to analyze the socio-political factors hindering the politicization of economic pessimism and limiting the sustainable growth of the labor potential of Russian youth.

Materials and methods. The empirical basis of the study draws on data from the nationwide sociological monitoring survey “How Are You, Russia?”. The research employs comparative analysis, index-based measurement of subjective attitudes, and content analysis of official policy documents. The key analytical group comprises respondents who agree with the statement: “No matter how hard you work, you cannot ensure your material well-being”.

Results and conclusions. Each year, at least 30% of Russian youth (38.2% in 2025) reject the link between labor and material well-being, yet maintain high loyalty toward federal state institutions. Through intergroup comparison, the study reconstructs a comprehensive profile of the “labor pessimist”: not a marginalized individual, but a socially integrated labor market participant disillusioned with the fairness of the system, whose passivity is sustained by trust in the state as a guarantor of order rather than prosperity.

The findings reveal a growing contradiction between the possession of labor competencies and the willingness to realize them – signaling an erosion of labor potential as a systemic resource. Young people do not reject work per se, but lose faith in its capacity to ensure a decent standard of living. Under these conditions, the state is rein-

terpreted not as an engine of social mobility, but as a pillar of stability, which preserves political legitimacy even as the economic pillar of the social contract erodes. High loyalty functions as a latent reserve that offsets economic pessimism; however, this situational stability remains fragile. Potential destabilizing triggers – external or internal crises, weakening security guarantees, or deepening social inequality – may activate accumulated discontent.

Discussion. For youth policy, these results underscore the need to move beyond formal employment indicators toward rebuilding trust in the core principles of social justice and the institution of labor itself – through transparent mobility mechanisms, fair wages, and the reduction of gender disparities. Ignoring these challenges continues to fuel a hidden reservoir of social tension.

KEYWORDS

Labor pessimism, youth, social contract, political loyalty, economic uncertainty, labor potential, gender differences, social mobility.

FUNDING

The article has been completed without external funding.

FOR CITATION

Levashov, V. K., Grebnyak, O. V., Novozhenina, O. P. (2026) Socio-Political Risks and Reserves of the Russian Youth Labor Potential. *Management Issues*, 20 (2), 82–99. <https://elibrary.ru/rfpcba>.

AUTHORS' INFORMATION

Victor K. Levashov – Doctor of Sociology; Institute of Socio-Political Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (119333, Russia, Moscow, Fotieva st., 6, bldg. 1) – *Director*; levachov@mail.ru. SPIN 2624-2574, ORCID 0000-0003-4830-2502, Scopus 35958452200, Researcher R-5424-2016.

Oksana V. Grebnyak – Institute of Socio-Political Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (119333, Russia, Moscow, Fotieva st., 6, bldg. 1) – *Researcher*; oksananov@yandex.ru. SPIN 6256-1918, ORCID 0000-0002-4565-7095, Scopus 57219165144, Researcher AAI-8781-2020.

Olga P. Novozhenina – Institute of Socio-Political Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (119333, Russia, Moscow, Fotieva st., 6, bldg. 1) – *Senior Researcher*; olganov@yandex.ru. SPIN 7343-9887, ORCID 0000-0003-3511-0384, Scopus 57192301345, Researcher R-5132-2019.

AUTHORS CONTRIBUTION

All the authors participated in the research concept development, data collection, processing and analysis, manuscript text writing and conclusions formulation.

Victor K. Levashov – research concept development, scientific supervision, revision and editing, conclusions formulation.

Oksana V. Grebnyak – original text writing, interpretation of results, literature review.

Olga P. Novozhenina – data processing, quantitative analysis, visualization.

CONFLICT OF INTEREST

The authors declare interest conflict lack.

USE OF AI TOOLS DECLARATION

The authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools to write this article.

The article was submitted 31.01.2026; reviewed 25.04.2026; accepted for publication 30.04.2026.

■ ВВЕДЕНИЕ

Трудовой потенциал молодёжи как совокупность профессиональных компетенций, психофизиологических характеристик и социально-адаптивных качеств, представляющая собой способность работников решать сложные профессиональные задачи [1], традиционно рассматривается в качестве ключевого ресурса социально-экономического развития общества [2]. Стратегия реализации молодёжной политики в Российской

Федерации на период до 2030 года позиционирует молодёжь «главным двигателем повышения социально-экономической конкурентоспособности страны»¹. Однако на практике её профессиональное становление осложняется рядом социально-политических рисков. Наиболее заметным из них можно назвать разрыв между официальной меритократической риторикой и реальными установками молодых людей относительно трудовой самореализации [3]. Этот разрыв не просто

¹ Распоряжение от 17 августа 2024 года № 2233-р «О Стратегии реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» (с изменениями на 8 мая 2025 года). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1307068392> (дата обращения: 19.09.2025).

снижает готовность молодых специалистов включаться в трудовые процессы, но и создаёт потенциал социальной напряжённости [4, с. 576–578].

Глобальная экономическая нестабильность, технологические трансформации и смена ценностных ориентиров подчеркнули противоречие между консервативными, ориентированными на максимизацию прибыли подходами индустриального периода, и стремлением молодёжи цифровой эпохи к свободному и справедливо вознаграждаемому труду. Молодое поколение, социализированное в условиях становления общества знаний и цифровизации трудовых отношений, всё чаще видит конкурентную модель депривированного труда как исчерпавшую себя. На уровне деклараций и молодёжь, и политические элиты выражают веру в возможность социального и политического раскрепощения и установления социальных и политических гарантий трудовых отношений через информационно-коммуникационные технологии и искусственный интеллект. Однако эта трансформация затруднена сохранением ригидности конкурирующих рынков труда и трудовых отношений на макроуровне и недостаточной готовностью корпоративного транснационального капитала к структурным институциональным изменениям.

Это противоречие на уровне массового сознания молодёжи проявляется как экономический пессимизм – убеждённость в том, что их трудовые усилия не гарантируют достойного вознаграждения [5]. Согласно П. Бурдьё, это свидетельствует о разрушении «иллюзии справедливости»² – веры в то, что система честно вознаграждает труд и инвестиции в образование. Без этой веры даже высокий человеческий капитал перестаёт быть эффективным инструментом социальной мобильности, а молодёжь снижает инвестиции в будущее – образование, карьеру и долгосрочное планирование. В мировой социологии подобные установки всё чаще рассматриваются как угроза для реализации данного ресурса как системного. В частности, исследователи пишут о том, что эрозия веры в справедливое вознаграждение напрямую снижает карьерную саморегуляцию и настойчивость в достижении целей [6]; структурные изменения на рынке труда делают человеческий капитал уязвимым при отсутствии своевременных образовательных корректировок [7]; а нарастающая экономическая прекаризация вынуждает молодёжь замещать традиционные трудовые стратегии

альтернативными финансовыми практиками, к примеру, трейдингом [8]. Актуальность вопроса подтверждается и сравнительными данными, указывающими на универсальный характер зависимости общественных установок от восприятия ответственности государства за занятость, в том числе в контексте легитимности политики рынка труда в Европе [9]. Эти кросс-культурные закономерности находят теоретическое объяснение через марксистскую концепцию относительного обнищания, описывающую ситуацию, когда реальный доход работника может расти, но его относительная доля в создаваемой им стоимости сокращается³, и через социолого-психологическую теорию относительной депривации, фиксирующую разрыв между ожиданиями индивида и его фактическим положением⁴. В последние годы эти процессы становятся предметом активного изучения социологами, в частности, в свете распространения нестандартных форм занятости и формирования прекариата как нового социального класса [10], углубляющего разрыв между меритократическими ожиданиями и реальными возможностями мобильности [11]. Исследования подтверждают, что традиционно экономическое неудовлетворение и восприятие несправедливости являются мощными предикторами политической апатии и отчуждения. Так, макроэкономическая динамика и качество демократических процедур определяют уровень политического доверия, а их негативная оценка ведёт к росту институционального отчуждения [12]; ожидания нисходящей социально-экономической мобильности у молодёжи стабильно коррелируют с отказом от участия в традиционных институциональных практиках [13]; в российском дискурсе подчёркивается, что экономическое благополучие выступает фундаментальным условием легитимности власти, и его нарушение напрямую снижает готовность населения к политической поддержке [14]. Г. Г. Дилигенский объясняет это тем, что экономические трудности воспринимаются населением не просто как частные материальные неудобства, а как проявление системной несостоятельности властных структур [15]. Одновременно с этим в общественно-политическом пространстве молодёжь всё чаще выступает как динамичная и влиятельная группа, формирующая общественные настроения, в мировом опыте способная изменять электоральные карты, как это наблюдалось в США в выборах 2018–2022 гг.⁵ [16], или политический ландшафт,

² Bourdieu, P. (1986) *The Forms of Capital*. In: Richardson, J. G. (ed.) *Handbook of theory and research for the sociology of education*. N. Y., Greenwood Press, pp. 241–258.

³ Маркс К. Капитал. Том 1. Книга 1. М.: Политиздат, 1952. Глава 23.

⁴ Stouffer, S. A., Suchman, E. A., Devinney, L. C. [et al.] (1949) *The American soldier: Adjustment during army life*. Princeton, NJ, Princeton University Press. 622 p.; Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

⁵ Gearan M., Ganz M. Young voters ascendant: How a generational shift won the 2020 election and could remake American politics. – URL: <https://www.hks.harvard.edu/faculty-research/policycast/young-voters-ascendant-how-generational-shift-won-2020-election-and> (accessed: 16.10.2025).

что уже привело к появлению нового понятия «протесты поколения Z»⁶.

В российском контексте данный процесс приобретает парадоксальные черты, так как тенденции экономической неопределённости и структурной уязвимости у молодёжи не транслируются в политическую плоскость, исследования фиксируют относительно высокую лояльность молодого поколения к институтам власти, что подтверждается данными всероссийского социологического мониторинга Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, представленными в эмпирическом разделе статьи. Этот парадокс становится особенно значимым при рассмотрении условий реализации её профессиональных возможностей. Экономический пессимизм и убеждённость в невозможности достижения материального благополучия через труд создают барьеры для его сущностной реализации, формируя социально-политические риски, связанные как с деактивацией трудового потенциала, так и с накоплением скрытого недовольства.

Таким образом, научная проблема заключается в выявлении механизмов, препятствующих политизации экономического пессимизма молодёжи и одновременно ограничивающих её трудовую мотивацию и мобилизацию. Понимание данного парадокса важно для анализа устойчивости социально-политической системы в условиях трансформации рынка труда и нарастания социальных диспропорций.

Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления специфики российской модели взаимодействия между социально-экономическими процессами и политическими настроениями молодёжи в контексте глобальных вызовов, связанных с трансформацией занятости и возрастанием роли молодого поколения как агента политических изменений.

Настоящее исследование не ставит целью открытие самого феномена асимметрии между экономическим пессимизмом и политической лояльностью, он уже зафиксирован в отечественной социологии. Новизна работы заключается в том, что на основе актуальных эмпирических данных 2025 года уточняется его масштаб, реконструируется социально-демографический и политический портрет ключевой подгруппы молодых людей, отвергающих связь труда и материального благополучия, выявляются системные барьеры, ограничивающие реализацию их способности к трудовой самореализации. Это позволяет не только подтвердить устойчивость парадокса, но и обозначить конкретные вызовы для научного сообщества и государственной молодёжной политики.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирической базой проведённого исследования являются данные 55-го этапа всероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?» [17], проводимого Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН с 1992 года (руководитель – В. К. Левашов). Полевой этап опроса проведён в мае–июне 2025 г. в 22 регионах страны среди совершеннолетних жителей (N=1300). Использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с учётом пола, возраста, образования, местожительства и экономико-географического районирования, что позволяет обеспечить репрезентативность данных на уровне федеральных округов и регионов. Максимальная ошибка выборки с вероятностью 95% не превышает 3%. В сравнительных целях и для демонстрации динамики в тексте фигурируют также данные предыдущих этапов мониторинга.

Для анализа отдельных субъективных установок и поведенческих практик респондентов использованы интегральные индексы, рассчитанные на основе ответов на вопросы с упорядоченными категориями. Индексная методика широко применяется в отечественной социологической практике [18] для компактного представления сложных распределений мнений при сохранении возможности межгруппового сравнения и выявления устойчивых тенденций. Она позволяет избежать потери информации, характерной для дихотомизации, и одновременно обеспечивает наглядность и интерпретируемость результатов [19].

Используемые в ходе исследования индексы рассчитывались по единой методологической схеме, основанной на взвешенной средней, где каждой категории ответа присваивается числовое значение (вес), отражающее её позицию на континууме от одного полюса шкалы к другому. Формула расчёта индекса имеет вид:

$$I = \frac{(-1) \cdot a + (-0,5) \cdot b + (+1) \cdot c}{a + b + c},$$

где a представляет долю респондентов, выбравших вариант ответа на одном полюсе шкалы (например, «Беспокоит в высокой степени» или «Постоянно»); b – долю респондентов, выбравших промежуточный ответ (например, «Беспокоит в средней степени»); c – долю респондентов, выбравших ответ на противоположном полюсе (например, «Не беспокоит» или «Никогда»). Конкретные варианты ответов для каждого индекса указаны в примечаниях к соответствующим таблицам. Индекс варьируется в диапазоне от -1 до $+1$. Значения близкие к -1 указывают на максимальную выраженность явления (например,

⁶ Fox K. From Morocco to Madagascar, Gen Z is taking digital dissent offline. – CNN. Oct. 4, 2025. – URL: <https://edition.cnn.com/2025/10/04/world/gen-z-protest-movement-explainer-intl> (accessed: 16.10.2025).

высокая обеспокоенность, частые ограничения); значения, близкие к +1, свидетельствуют об отсутствии или минимальной выраженности явления; значения около нуля интерпретируются как неопределённость, смешанный характер оценок или умеренный уровень проявления измеряемого явления.

В настоящей работе индексы рассчитаны отдельно для трёх групп респондентов: общего массива, молодёжи в возрасте 18–35 лет и подгруппы молодёжи, поддерживающей утверждение «Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь». Сравнительный анализ индексных показателей по этим группам позволил выявить как общие тенденции, так и специфику восприятия социально-экономических рисков и потребительских стратегий на фоне скептического отношения к труду.

Следует отметить, что используемый в статье термин «трудовой пессимизм» применяется не как отражение негативного отношения к труду, а как аналитическая категория, отражающая убеждённую определённую социальную группу («трудовых пессимистов») в неэффективности труда как средства достижения материального благополучия.

Для анализа официального государственного дискурса о роли труда в достижении социального благополучия применён компаративный контент-анализ официальной государственной риторики (Послания Президента РФ Федеральному Собранию, стратегические документы, нормативно-правовые акты) с целью выявления устойчивых риторических паттернов, проводящих прямую связь между трудовой деятельностью и материальным благополучием. Выявленные нарративы далее сопоставлены с эмпирическими данными о субъективных установках молодёжи относительно эффективности труда в условиях современной России.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Группа наблюдения

Как показывает статистика, российская молодёжь обладает широким спектром признаков высокого трудового потенциала. В частности, она характеризуется высоким уровнем образовательной подготовки, входя по этому показателю в пятёрку мировых лидеров⁷. Параллельно растёт популярность среднего профессионального образования⁸. У молодёжи развиты цифровые компетенции и гибкие межпрофессиональные навыки. Молодые россияне активны на рынке труда,

уровень молодёжной безработицы с 2020 года снизился более чем в два раза: с 10,7% до 5,2% по возрастной группе 15–29 лет и с 17,3% до 8,5% по группе 15–24 года⁹.

В то же время ежегодно не менее 30% молодёжи отдаёт предпочтение пессимистическому варианту при выборе из двух альтернативных утверждений: «Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить своё материальное благополучие» и «Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь» (рисунок 1). Долгосрочный мониторинг выявляет устойчивую траекторию: в 2016–2019 гг. доля таких респондентов колебалась в узком диапазоне от 36,1% до 42,7%, указывая на структурную устойчивость скептицизма. Первый значимый сдвиг произошёл в 2020 году на фоне пандемии COVID-19: доля пессимистов резко снизилась до 31,0% (–11,7 процентных пункта по сравнению с 2019 годом), а оптимистов – выросла.

Наиболее выраженный всплеск оптимизма и сокращение пессимизма пришёлся на 2023–2024 годы, когда пессимистически настроенные составляли лишь 31,5% и 33,9% соответственно. Это произошло на фоне государственной финансовой поддержки целого ряда отраслей и усиления социальной сплочённости после начала специальной военной операции [20]. Однако уже к 2025 году наблюдается откат, что свидетельствует о том, что эффект «консолидации вокруг флага» оказался в данном случае кратковременным и уже вытесняется структурным пессимизмом.

При общем числе участников опроса 2025 г., равном 1300 человек, доля молодёжи 18–35 лет составила 335 человек. Доля молодых россиян, не верящих в прямую зависимость материального благополучия от трудовой деятельности (согласных с утверждением «Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь»), к 2025 году достигла 38,2% (n=128). Это позволяет предположить близость кризиса трудовой социализации – процесса, в ходе которого формируются профессиональные установки, ценности труда и доверие к экономическим институтам.

С пессимистической позицией коррелирует повышенная обеспокоенность данной подгруппы молодёжи проблемами благосостояния и социально-экономических отношений, зачастую превышающая показатели как по общему массиву, так и по молодёжи в целом (таблица 1).

⁷ Tertiary Education Attainment by Country 2025. – World Population Review. – URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/tertiary-education-attainment-by-country> (accessed: 19.09.2025).

⁸ Мейлахс Т. Разрыв сократился с 10% до 3%: техникумы догоняют вузы по популярности // РБК Тренды. 08.07.2025. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/685918199a794749c968818b> (дата обращения: 19.09.2025).

⁹ Татьяна Голикова: «Крепкая семья остаётся сегодня наиболее важной ценностью» [интервью] // Эксперт. 2025. 22 мая. – URL: <https://expert.ru/mnenie/tatyana-golikova-krepkaya-semya-ostaetsya-segodnya-naibolee-vazhnoy-tsennostyu> (дата обращения: 19.09.2025).

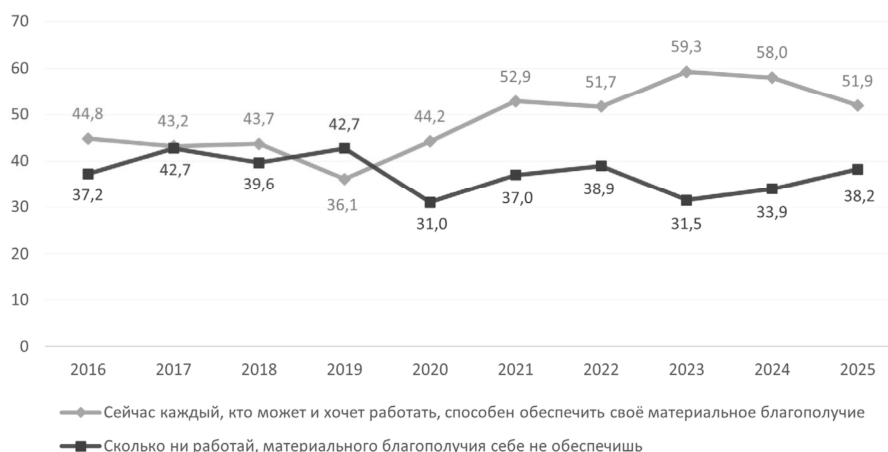

Рисунок 1 – Динамика мнений молодёжи о связи труда и материального благополучия, 2016–2025 гг. (% от числа респондентов в возрасте 18–35 лет по каждому году)

Figure 1 – Dynamics of youth attitudes toward the link between labor and material well-being, 2016–2025 (% of respondents aged 18–35 by year)

Таблица 1 – Индексы обеспокоенности социально-экономическими проблемами в 2025 году по группам респондентов¹⁰

Table 1 – Indices of concern about socioeconomic issues in 2025 by respondent groups

В какой степени Вас беспокоят следующие проблемы?	Индексы обеспокоенности*		
	массив	молодёжь	пессимистически настроенная молодёжь**
Дороговизна жизни	–0,8	–0,7	–0,9
Рост цен на продукты питания	–0,8	–0,8	–0,9
Высокая инфляция	–0,8	–0,7	–0,9
Повышение тарифов на жильё и коммунальные услуги	–0,8	–0,7	–0,9
Страх перед неопределённостью будущего	–0,4	–0,4	–0,6
Обострение межнациональных отношений	–0,4	–0,4	–0,5
Углубление разделения общества на богатых и бедных	–0,4	–0,3	–0,5

Примечания:

*Индекс обеспокоенности рассчитан по формуле: $I = \frac{(-1) \cdot a + (-0,5) \cdot b + (+1) \cdot c}{a + b + c}$, где a – доля респондентов, отметивших «Беспокоит в высокой степени»; b – доля респондентов, отметивших «Беспокоит в средней степени»; c – доля респондентов, отметивших «Не беспокоит». Индекс принимает значения от -1 (максимальная обеспокоенность) до $+1$ (отсутствие обеспокоенности).

**Респонденты в возрасте 18–35 лет, согласные с утверждением «Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь».

Как видно из таблицы 1, пессимистически настроенная молодёжь демонстрирует повышенную обеспокоенность по всем приведённым позициям. Помимо беспокойства относительно чисто экономических проблем, показательна разница в восприятии социально-психологических проблем: страх перед

неопределённостью будущего у пессимистически настроенной молодёжи достигает $-0,6$ при $-0,4$ у остальных групп, что свидетельствует о более выраженной тревожности относительно перспектив. Острее реагирует эта группа и на углубление социального расслоения (индекс $-0,5$ против $-0,3$ у молодёжи

¹⁰ В таблице представлена часть предложенных респондентам для оценки уровня обеспокоенности проблем. Ознакомиться с полным перечнем из 24х пунктов можно в публикации [17, с. 9–12].

в целом). Пессимизм относительно возможностей самореализации через труд, таким образом, не является изолированной установкой, а встроен в систему недоверия к социальным институтам и обострённой чувствительности к экономическим рискам.

Социально-демографический портрет подгруппы

Чтобы понять, почему асимметрия между экономическим пессимизмом и политической

лояльностью проявляется именно так, а не иначе, целесообразно рассмотреть социально-демографический портрет российской молодёжи в соответствии с позиционированием по отношению к дихотомии: «Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить своё материальное благополучие» и «Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь» (таблица 2).

Таблица 2 – Сравнительный портрет молодёжи с разным отношением к связи труда и материального благополучия по ключевым социально-демографическим параметрам (2025 г., % по столбцу)

Table 2 – Comparative profile of youth with different attitudes toward the link between labor and material well-being by key socio-demographic characteristics (2025, column %)

Социально-демографические показатели		Молодёжь, согласная с утверждением «Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить своё материальное благополучие»	Молодёжь, согласная с утверждением «Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь»
Пол	мужской	49,4	39,1
	женский	50,6	60,9
Образование	неполное среднее	0,0	3,1
	среднее	12,1	21,9
	ПТУ/лицей	12,1	28,1
	техникум/колледж	32,8	17,2
	высшее, незаконченное (не менее 3 курсов вуза)	43,1	29,7
Семейное положение	в браке (официальном или гражданском)	49,4	52,3
	не в браке (не женат/не замужем, в разводе, вдова/вдовец)	50,6	47,7
Наличие детей	есть	42,5	43,0
	нет	57,5	57,0
Самоидентификация по доходам*	богатые	4,6	2,3
	обеспеченные	26,6	14,8
	ограниченные в средствах	59,5	66,4
	бедные	8,1	16,4
	нищие	1,2	0,0
Классовая самоидентификация	к высшему	1,7	0,8
	к среднему	78,2	64,1
	к низшему	9,8	22,7

Примечание:

*Вопрос: «Какая из ниже приведённых оценок наиболее точно характеризует Ваши доходы?». Расшифровка приведённых в таблице вариантов в соответствии с вариантами ответов в опроснике: «Богатые» – денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать; «Обеспеченные» – покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей; «Ограниченные в средствах» – денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако на более крупные покупки не хватает; «Бедные» – денег хватает только на приобретение продуктов питания; «Нищие» – денег не хватает даже на приобретение продуктов питания.

Портрет молодых людей, убеждённых в том, что труд не обеспечивает материального благополучия, обнаруживает ряд характерных черт, которые отличают их от более оптимистично настроенных сверстников. Пессимистически настроенная молодёжь представляет собой преимущественно женскую (60,9%) группу со смещением в сторону начального профессионально-технического образования. Доля обучающихся в ПТУ и лицеях среди пессимистов составляет 28,1%, что на 16,0 процентных пунктов превышает показатель оптимистов (12,1%). Одновременно образовательный профиль характеризуется более низкой долей молодёжи с высшим образованием (29,7% против 43,1% среди оптимистов).

Эта группа острее переживает ограниченность материальных ресурсов: две трети признают себя «ограниченными в средствах» (66,4%) и каждый шестой из них (16,4%) идентифицирует себя как

«бедный», что вдвое выше, чем среди оптимистически настроенной молодёжи. Среди пессимистов практически отсутствуют те, кто ощущает финансовую обеспеченность или относит себя к высшим слоям общества.

На этом фоне классовая самоидентификация пессимистов показывает углубление субъективного ощущения социального исключения: каждый пятый (22,7%) относит себя к низшему классу (в 2,3 раза чаще, чем оптимисты), при этом только 64,1% причисляют себя к среднему классу (против 78,2% у оптимистов).

Семейное положение и статус родительства специфических черт по рассматриваемому вопросу не обнаружили.

В сложившуюся картину логично встраивается перечень основных ограничений, которые вынуждены устанавливать для себя молодые люди (таблица 3).

Таблица 3 – Индексы самоограничений в потреблении по ключевым сферам жизнедеятельности в 2025 году по группам респондентов

Table 3 – Indices of consumption self-restraint across key areas of daily life in 2025 by respondent groups

Как часто за последние двенадцать месяцев Вашей семье приходилось ограничивать себя в следующем?	Индексы самоограничений*		
	массив	молодёжь	пессимистически настроенная молодёжь**
В потреблении электричества	0,57	0,68	0,68
В доступе к информационно-компьютерным технологиям, средствам коммуникации	0,36	0,55	0,55
В поездках на транспорте, бензине для автомобиля	0,47	0,55	0,43
В лекарствах	0,34	0,47	0,39
В медицинском обслуживании	0,18	0,35	0,26
В продуктах питания	0,24	0,30	0,07
В получении дополнительного образования	0,18	0,23	0,04
В одежде, обуви	0,01	0,14	-0,09
В посещениях театра, кино	-0,06	0,07	-0,18
В покупке товаров длительного пользования	-0,31	-0,14	-0,41
В улучшении жилищных условий, ремонте жилья	-0,36	-0,25	-0,42
В посещениях ресторанов, мест общественного питания	-0,34	-0,21	-0,50
В отдыхе, поездках в отпуск	-0,46	-0,31	-0,55

Примечания:

*Индекс самоограничений рассчитан по формуле: $I = \frac{(-1) \cdot a + (-0,5) \cdot b + (+1) \cdot c}{a + b + c}$, где a – доля респондентов, ответивших «Постоянно»; b – доля респондентов, ответивших «Иногда»; c – доля респондентов, ответивших «Никогда». Индекс принимает значения от -1 (постоянные ограничения) до +1 (отсутствие ограничений).

**Респонденты в возрасте 18–35 лет, согласные с утверждением «Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь».

Данные по индексам самоограничения имеют чёткую градацию: если по базовым статьям расходов – таким как электричество, продукты питания или цифровые технологии (которые вполне можно считать базовой потребностью современной молодёжи) – молодёжь в целом реже испытывает вынужденные ограничения по сравнению с общим массивом, то пессимистически настроенная подгруппа резко выделяется по сферам не базового, но социально значимого потребления. Пессимисты значительно чаще отказывают себе в досуге и развлечениях (отпуск –0,55, рестораны –0,50), улучшении жилья (–0,42) и покупке товаров длительного пользования (–0,41), систематически отказываясь, таким образом, от практик, формирующих ощущение социальной полноценности и стабильности.

Примечательно, что по позициям «продукты питания» и «дополнительное образование» индексы молодёжи в целом демонстрируют меньший объём ограничений в сравнении с данными по массиву. Однако пессимистическая подгруппа резко контрастирует на их фоне, индекс самоограничений по питанию на 0,23 пункта ниже, чем

у молодёжи в целом, а на образование – на 0,19 пунктов ниже. В вопросах питания это согласуется с рассмотренной выше самоидентификацией по доходам, а также подчёркивает низкий приоритет дополнительного образования как инструмента социальной мобильности для этой подгруппы.

Как уже было сказано, в доступе к информационно-коммуникационным технологиям пессимистически настроенная молодёжь себя почти не ограничивает (индекс 0,55), что, однако, не транслируется в уверенность в цифровых возможностях как источнике дохода. Данные мониторинга показывают, что ровно половина (50%) представителей пессимистично настроенной молодёжи склонны опасаться за рынок труда в России в связи с развитием нейросетей и искусственного интеллекта (35,9% не опасаются; 14,1% затруднились ответить).

Указанные ограничения в потреблении сочетаются с краткосрочным горизонтом планирования (рисунок 2), что вместе составляет замкнутый цикл невысокой трудовой мотивации и отсутствия долгосрочных инвестиций в собственное будущее.

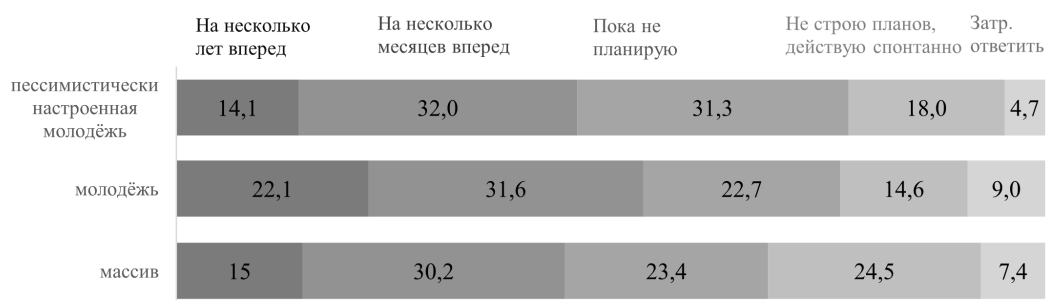

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов о том, на какой срок они планируют своё будущее в 2025 году (% по группам)

Figure 2 – Distribution of respondents by time horizon of future planning in 2025 (% by group)

Показательным признаком пессимистически настроенной молодёжи является ориентированность на краткосрочное планирование. Только 14,1% планируют своё будущее на несколько лет вперёд (против 22,1% по молодёжи в целом), тогда как почти половина (49,3% в совокупности) либо вообще не планируют (31,3%), либо строят свою жизнь спонтанно (18%).

Сочетание отказа от инвестиций в собственное образование с отсутствием долгосрочного планирования критически важны для понимания перспектив реализации трудового потенциала подгруппы трудовых пессимистов, составляющей почти две пятых (38,2%) молодёжной выборки.

Полученные характеристики коррелируют с данными исследований городских молодёжных когорт: гендерная асимметрия и образовательный профиль пессимистов согласуются с выводами о факторах трудовой неуверенности [5],

а структура самоограничений – с данными о дисфункциях взаимодействия образования и рынка труда [3]. При этом к политическим институтам, легитимирующим существующую систему, молодёжь относится весьма лояльно.

Политический портрет подгруппы

Несмотря на скептическое отношение к экономическим реалиям, пессимистически настроенная молодёжь демонстрирует высокий уровень лояльности к ключевым институтам государственной власти, особенно к Президенту РФ и Армии. Так, Президенту доверяют 80,5% представителей этой подгруппы (для сравнения: среди оптимистов таковых 77,0%, в среднем по молодёжи – 76,1%), а Армии – 70,3% (против 65,5% и 66,6% соответственно). Устойчивая поддержка фиксируется и в отношении Администрации Президента (59,4%) и Совета Безопасности (57,8%) (таблица 4).

Таблица 4 – Отношение к общественным структурам и институтам власти молодёжи с разным отношением к связи труда и материального благополучия (2025, %)**Table 4** – Attitudes toward public organizations and state institutions among youth with different views on the relationship between labor and material well-being (2025, %)

Общественные структуры и институты власти	Оптимистично настроенная по отношению к труду молодёжь			Пессимистически настроенная по отношению к труду молодёжь		
	доверяют	не доверяют	з/о	доверяют	не доверяют	з/о
Президент РФ	77,0	9,8	13,2	80,5	7,0	12,5
Армия	65,5	14,9	19,5	70,3	21,1	8,6
Администрация Президента РФ	60,3	19,5	20,1	59,4	25,0	15,6
Совет Безопасности	59,2	15,5	25,3	57,8	25,0	17,2
Правительство РФ	56,9	17,8	25,3	55,5	32,0	12,5
Совет Федерации	47,1	18,4	34,5	44,5	32,0	23,4
Государственная Дума	40,2	31,6	28,2	38,3	36,7	25,0
Руководитель региона	50,0	21,8	28,2	46,9	39,8	13,3
Органы местного самоуправления	44,8	21,3	33,9	39,1	45,3	15,6
Общественные организации	39,7	17,8	42,5	29,7	43,8	26,6
Церковь	39,7	25,9	34,5	35,9	36,7	27,3
Общественная палата	38,5	19,0	42,5	35,2	35,9	28,9
Профсоюзы	37,9	26,4	35,6	33,6	36,7	29,7
Полиция, суд, прокуратура	37,9	33,9	28,2	39,1	40,6	20,3
Средства массовой информации	30,5	42,5	27,0	23,4	56,3	20,3
Банки и предпринимательские круги	25,3	50,6	24,1	24,2	60,2	15,6
Политические партии	22,4	44,3	33,3	19,5	58,6	21,9

Наибольший скепсис трудовых пессимистов фиксируется в отношении политических партий (доверие выражают лишь 19,5% респондентов), банковско-предпринимательских кругов (24,2%) и средств массовой информации (23,4%). Показателен разрыв и в оценках медиа: доля не доверяющих СМИ пессимистов составляет 56,3%, что на 13,7 п.п. превышает аналогичный показатель у оптимистов (42,5%). Такое расхождение может отражать более критическое восприятие информационного поля, формирующего экономические ожидания.

Выражены различия и в оценке органов местного самоуправления. Если пессимисты доверяют муниципальным органам реже на 5,8 п.п. (39,1% против 44,8% у оптимистов), то уровень недоверия здесь различается более существенно: 45,3% против 21,3%, то есть разрыв достигает 24,1 п.п. Схожая динамика наблюдается и в отношении глав регионов: недоверие пессимистов достигает 39,8%, что на 18,0 п.п. выше, чем в группе оптимистов (21,8%).

В совокупности данные мониторинга позволяют говорить о высоком доверии верхним уровням власти при значительных сомнениях

в возможностях местных органов решать социально-экономические проблемы граждан. Подобная асимметрия институционального доверия фиксируется и на общероссийском уровне, где доверие к Президенту РФ и Армии выступает одним из четырёх ключевых факторов социально-политической стабильности, наряду с этно-территориальной целостностью и конституционными социальными гарантиями [21]. Схожая структурная концентрация легитимности в исполнительном ядре власти при ослаблении роли промежуточных представительских институтов отмечается и в современных исследованиях европейской политики, хотя и в ином институциональном контексте [22].

Контрастное соотношение наблюдается и в субъективном отношении молодых людей к будущему (ответы на вопрос «Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?», см. рисунок 3). Среди оптимистов 59,2% чувствуют уверенность в завтрашнем дне, тогда как среди пессимистов этот показатель снижается до 41,4% (разница – 17,8 п.п.). Одновременно доля пессимистов, не чувствующих уверенности, составляет 39,1% против 18,4% у оптимистов (разница +20,7 п.п.).

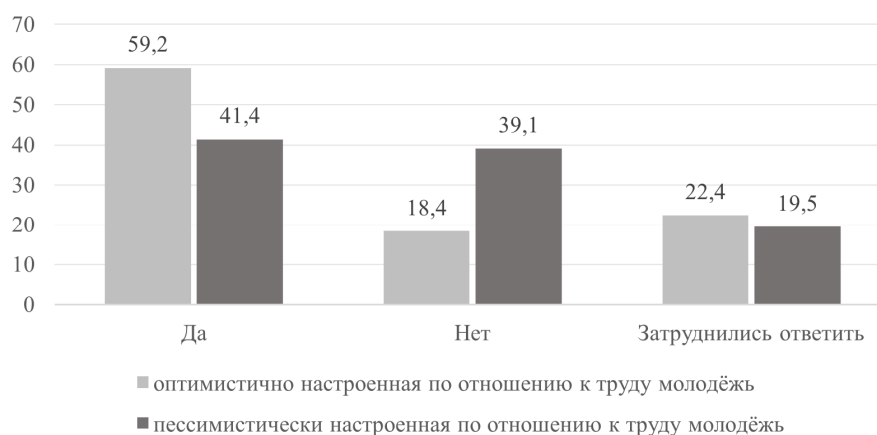

Рисунок 3 – Субъективная уверенность молодёжи в завтрашнем дне по группам с разным отношением к связи труда и материального благополучия (2025, % по группам)

Figure 3 – Subjective confidence in tomorrow among youth by attitude toward the relationship between labor and material well-being (2025, % by group)

Примечательно, что недоверие к трудовой деятельности как инструменту достижения материального благополучия не транслируется в радикальное отрицание политической системы. Среди пессимистов доля тех, кого полностью устраивает политическая система, составляет 28,9%, что на 6,2 процентных пункта ниже, чем среди оптимистов (35,1%). Большинство же пессимистов (45,3%) считают, что в системе «много недостатков, но их можно устранить путём постепенных реформ», а доля радикально настроенных молодых людей минимальна и практически идентична у обеих групп (10,9% у пессимистов против 9,2% у оптимистов). Таким образом, по совокупности признаков можно констатировать, что представители рассматриваемой группы не являются носителями институционального нигилизма или политической оппозиции.

Показательна и структура ценностных приоритетов. При ответе на вопрос о ценностях, наиболее значимых для обеспечения суверенитета и устойчивого развития России, пессимисты называют патриотизм и гражданственность чаще (52,3%), чем молодёжь в целом (49,0%), и чаще, чем все респонденты по массиву (46,6%). Вместе с тем созидательный труд как ценность выбирают лишь 12,5% пессимистов, что на 4,5 процентных пункта ниже среднего по молодёжи (17,0%). Также значимость справедливости для пессимистов (36,7%) проигрывает показателям в целом по молодёжи (42,1%). Таким образом, пессимистически настроенная молодёжь демонстрирует высокую национальную идентичность и патриотизм, но при этом не рассматривает созидательный труд как значимую социальную ценность.

Итак, пессимистически настроенная молодёжь признаёт легитимность государства, однако не верит, что государственная система (или их собственные трудовые усилия) способны обеспечить их личное материальное благополучие.

Этот разрыв между политической лояльностью и экономическим пессимизмом создаёт устойчивую зависимость от государственной поддержки при отсутствии веры в собственные возможности, что может иметь долгосрочные последствия для реализации трудового потенциала данной подгруппы молодёжи.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Труд как источник материального благополучия тесно связывается российской молодёжью с желаемым будущим страны, в исследовании 2021 года, проведённом Центром социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН, считают реализацию этого утверждения «важной» и «очень важной» для будущего страны в совокупности 93% молодёжи [23, с. 59]. Значимость вопросов социально-экономической справедливости сохраняется и в 2025 году, что отмечают как общероссийские, так и региональные исследования: «доминирующими маркерами социальной справедливости для молодых людей выступает, во-первых, равенство возможностей, и, во-вторых, те социально-экономические аспекты справедливости, которые связаны с функциями социального государства» [24, с. 153]. Учитывая тот факт, что трудовой потенциал молодёжи зависит не только от наличия навыков, но и от трудовой мотивации, веры в справедливость социальных механизмов и готовности инвестировать в собственное будущее, следует констатировать, что наличие в 2025 году значимой доли молодёжи, которая отвергает эффективность труда для достижения благополучия в существующих условиях, демонстрирует эрозию трудового потенциала.

Эта эрозия приобретает особую глубину в российском контексте, где, как показал Ж. Т. Тощенко, труд исторически воспринимался не только как экономическая категория, но и как основа социального достоинства, морального порядка

и гражданской идентичности [25]. Утрата этой функции, переход от труда как «дела чести» к труду как вынужденной практике выживания, лежит в основе современного кризиса смысла. В терминах социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман)¹¹ это означает размывание легитимирующих нарративов, где труд утрачивает статус объективированного способа конструирования социального статуса и включения в общественную структуру, что фиксируется в установке «Сколько ни работай, благополучия не обеспечишь».

Для верификации заявленных приоритетов был проведён компаративный контент-анализ ключевых программных выступлений

Президента РФ – Посланий к Федеральному Собранию с 2018 года. Как видно из таблицы 5, связь трудовой деятельности и материального благополучия является сквозной темой официального дискурса на протяжении всего рассматриваемого периода. Можно выделить три устойчивых нарратива: 1) «труд как основа достойной жизни» (акцент на справедливой оплате); 2) «государство как гарант минимальных стандартов» (институционализация МРОТ); 3) «труд как индикатор системной эффективности» (оценка социальных институтов через доходы граждан). Эти риторические паттерны формируют декларативный каркас, который находит своё нормативное закрепление в ряде стратегических документов.

Таблица 5 – Динамика упоминаний связи «труд – материальное благополучие» в Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию (2018–2024 гг.)
Table 5 – Dynamics of mentions of the link “labor – material well-being” in the Addresses of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly (2018–2024)

Год	Всего упоминаний «труд» / «работа»	В контексте благополучия / доходов / достойной жизни	% от общего числа упоминаний	Доминирующий риторический паттерн
2018	58	9	15,5%	Достойная оплата + производительность труда
2019	72	15	20,8%	Борьба с бедностью + создание достойных рабочих мест
2020	45	13	28,9%	Конституционное закрепление: МРОТ ≥ прожиточный минимум
2021	43	10	23,3%	Восстановление рынка труда после пандемии
2023	51	6	11,8%	МРОТ как «точка отсчёта» уровня жизни
2024	73	11	15,1%	Реформа оплаты труда бюджетников + опережающая индексация МРОТ

Примечание: подсчёт проведён по основам «труд*», «работ*» (исключая «работу» в смысле «функционирования»); контекст благополучия – абзацы с одновременным присутствием лексем дохода, зарплаты, МРОТ, достойной жизни и др.¹²

Источник: полные стенограммы текстов Посланий Президента РФ Федеральному Собранию с сайта kremlin.ru за 2018, 2019, 2020, 2021, 2023, 2024 гг. (в 2022 и 2025 году Послания не проводились).

Таким образом, зафиксированная в таблице 5 риторическая устойчивость вступает в конфликт с экономическими реалиями молодёжи. Действительно, труд как путь к успеху, социальной мобильности и материальному благополучию прямо или косвенно провозглашается в целом ряде официальных документов. Соответствующая риторика постоянно на слуху с 2018 года. В ходе Послания

Федеральному Собранию В. В. Путиным была поставлена задача: «Нам необходимо <...> дать людям хорошую работу, которая мотивирует, приносит достаток, позволяет реализовать себя, создать современные, достойно оплачиваемые рабочие места»¹³. Тогда же, обсуждая Стратегию социально-экономического развития страны до 2024 года, Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев

¹¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Московский философский фонд, 1995. 322 с.

¹² При проведении контент-анализа для подсчёта частотности упоминаний использовалась языковая модель Gigachat 2 Pro. Результаты были верифицированы двойной проверкой для обеспечения точности данных.

¹³ Послание Президента Федеральному Собранию. 01.03.2018. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 19.09.2025).

обозначил: «На повестке дня стоит проведение структурных и институциональных реформ, позволяющих <...> сформировать прочную основу для повышения благосостояния людей» [26, с. 6]. Прописано это, разумеется, и в Трудовом кодексе РФ (ст. 2): «обеспечение права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, обеспечивающей достойное человека существование для него самого и его семьи»¹⁴. Причинно-следственную последовательную связь успешной трудовой деятельности, роста доходов, повышения качества жизни, национальной безопасности устанавливает и Стратегия национальной безопасности РФ через ряд тезисов, в числе которых: «Увеличение реальных доходов населения, сокращение числа малообеспеченных граждан, снижение уровня неравенства граждан в зависимости от их доходов»; «Дальнейшее развитие человеческого потенциала должны обеспечить меры, направленные на устойчивый рост доходов и благосостояния российских граждан»¹⁵ и пр.

Полученные результаты контрастируют с этой официальной риторикой и позволяют оценить расхождение между декларируемыми возможностями и реальными социальными установками молодёжи. Несмотря на высокий уровень образовательной подготовки и активность на рынке труда, почти две пятых молодых респондентов (38,2%) убеждены, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь». Это свидетельствует о глубоком кризисе доверия к самому принципу справедливого вознаграждения за труд. Особенно показательным, что пессимизм наиболее выражен среди женщин (60,9%), что указывает на специфические барьеры реализации трудового потенциала в данной группе.

Гендерный дисбаланс в подгруппах (60,9% женщин среди пессимистов против 50,6% среди оптимистов) отражает сохраняющееся структурное неравенство на рынке труда. Во-первых, девушки чаще заняты в сегментах с низкой оплатой и ограниченными карьерными перспективами – доля обладателей образования уровня ПТУ/лицея среди пессимистов достигает 28,1% (против 12,1% у оптимистов). Во-вторых, не менее значим фактор двойной нагрузки, когда оплачиваемая профессиональная занятость у женщин сочетается с заботой о семье. Это явление теоретически объясняется через концепцию «второй смены» и «эмоционального труда» (А. Хокшильд)¹⁶: неоплачиваемая работа по дому и регулирование эмоционального фона в семье становятся

дополнительным источником истощения, снижая воспринимаемую эффективность рыночного труда. В этом же ряду показательны практики самоограничения в социально-репродуктивных сферах (отдыхе, улучшении жилья и пр.), которые сигнализируют не просто о материальных трудностях, но об отказе от инвестиций в будущее.

Образование само по себе не защищает от трудового пессимизма: каждый третий пессимист имеет высшее образование. То есть проблема лежит не в дефиците человеческого капитала, а в разрыве между образовательными инвестициями и справедливостью их вознаграждения. Если диплом перестаёт служить гарантией достойной зарплаты и карьерного роста – что особо актуально для женщин, сталкивающихся с гендерными барьерами, – труд утрачивает функцию социального лифта. Иными словами, экономический пессимизм молодёжи стоит трактовать не как кризис человеческого капитала, а как запрос на обеспечение справедливости социальных механизмов его оценки и адекватного вознаграждения.

В результате складывается парадоксальный политический портрет: пессимистически настроенная молодёжь демонстрирует высокую лояльность к Президенту РФ (80,5%) и Армии (70,3%), но при этом выражает недоверие к местным властям, СМИ, предпринимательским кругам и, что особенно важно, – к собственному будущему (уверенность в завтрашнем дне выражают лишь 41,4%). Подобная асимметрия позволяет интерпретировать политическую лояльность в данном случае как компенсаторный механизм. В ситуации, когда труд перестаёт восприниматься как предсказуемый ресурс стабильности, центральная власть выступает не столько в роли распределителя благ, сколько в качестве единственного гаранта предсказуемости и порядка. Эта дифференциация доверия соответствует концепции социального капитала Р. Патнэма¹⁷: легитимность верховной власти сохраняется даже при глубоком недоверии к экономическим институтам и местным властям. Механизм описанного выше расщепления социального капитала на «политический» и «экономический» компоненты, предотвращающий политизацию экономического пессимизма, представлен на рисунке 4.

Таким образом, политическая лояльность компенсирует экономический пессимизм, удерживая систему в состоянии ситуационной стабильности (скрытого недовольства). Однако за этой институциональной лояльностью скрывается глубокая дезорганизация субъективного будущего. Эта

¹⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683 (дата обращения: 19.09.2025).

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 19.09.2025).

¹⁶ Хокшильд А. Р. Вторая смена. Работающие семьи и революция в доме. М.: ВШЭ, 2020. 368 с.

¹⁷ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. 288 с.; Putnam, R. D. (2000) *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. N.Y., Simon & Schuster. 544 p.

Рисунок 4 – Авторская концептуальная модель расщеплённого социального капитала российской молодёжи

Figure 4 – Authors' conceptual model of split social capital of Russian youth

лояльность не основана на удовлетворённости, а скорее – на отсутствии альтернативного нарратива, способного связать индивидуальные усилия с социальной мобильностью. Подтверждением служит как низкий приоритет «созидательного труда» среди ценностей (12,5%), так и резкое снижение горизонта планирования: лишь 14,1% пессимистов планируют жизнь на несколько лет вперёд. Отказ от инвестиций в образование в сочетании с краткосрочным планированием указывает на утрату того, что основатель французской школы футурологии Гастон Берджер называл «прогностическим сознанием» – способностью моделировать возможные сценарии будущего и согласовывать с ними текущие действия¹⁸. В условиях экономического пессимизма эта способность атрофируется: зачем проектировать будущее, если усилия не гарантируют результата? Именно эта атрофия составляет ядро эрозии трудового потенциала – не как дефицита компетенций, а как утраты мотивационной и временной основы его реализации. То есть разрушение «прогностического сознания» становится не следствием, а структурным условием сохранения пессимистической установки.

В данном контексте экономический пессимизм и политическая лояльность оказываются не противоречивыми, а функционально взаимосвязанными элементами адаптационной стратегии в условиях структурной неопределённости, что согласуется с международными исследованиями легитимации государства в условиях прекаризации [27]. Молодёжь не отвергает государство, она трансформирует его ожидаемые функции: от гаранта социальной мобильности к гаранту базовой стабильности. Подобный сдвиг позволяет политической системе сохранять легитимность даже при эрозии прежних социально-экономических обязательств.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование подтвердило наличие асимметрии между экономическим пессимизмом и политической лояльностью среди российской молодёжи. В 2025 году более трети молодых респондентов (38,2%) не верят в способность труда обеспечить материальное благополучие, несмотря на высокий уровень образования и активность на рынке труда. В то же время данная группа демонстрирует повышенное доверие к Президенту РФ и Армии, сохраняя лояльность к верховной власти даже на фоне выраженной неуверенности в собственном будущем и скепсиса в отношении экономических институтов.

Эмпирические данные позволяют переосмыслить содержание «социального контракта» в современной России: его экономический компонент («работай и будешь обеспечен») утрачивает легитимность, особенно среди женщин и обладателей начального профессионального образования. В то же время политический компонент («поддерживай власть и получишь стабильность») сохраняется за счёт консолидирующей патриотической идентичности и страха перед неопределённостью. В этих условиях лояльность выступает не как проявление рационально осознанной удовлетворённости, а как стратегия компенсаторной социально-политической адаптации к экономической нестабильности.

С учётом поставленной цели – выявить механизмы, препятствующие политизации экономического пессимизма и ограничивающие трудовую мобилизацию, – можно сделать следующие выводы. Во-первых, ключевым барьером реализации трудового потенциала является не дефицит компетенций, а эрозия веры в справедливое вознаграждение за труд. Во-вторых, политическая

¹⁸ Cournand, A., Lévy, M. (1973) Shaping the Future: Gaston Berger and the concept of prospective. N.Y., Gordon and Breach Science Publ. 300 p.

пассивность рассматриваемой группы молодых людей обусловлена не апатией, а когнитивной неопределённостью и отсутствием альтернативного нарратива, способного связать индивидуальные усилия с социальной мобильностью.

В перспективе это создаёт скрытый ресурс нестабильности: при сохранении текущих тенденций и отсутствии мер по восстановлению доверия к институту труда возможна дестабилизация трудовой мотивации, но и актуализация скрытого недовольства молодёжи в формы социального протеста. Для предотвращения этого необходимы институциональные реформы: обеспечение справедливых минимальных зарплат, прозрачных траекторий карьерного роста, преодоление гендерных диспропорций, а также укрепление

механизмов защиты трудовых прав. В информационном пространстве целесообразно внедрение этических стандартов для лидеров мнений (прозрачность монетизации, верификация экономической информации) силами профессиональных сообществ при поддержке общественных палат, что позволит снизить уровень дезинформации о рынке труда. Государственной молодёжной политике следует сместить акцент с формального повышения занятости на создание условий, при которых труд действительно обеспечивает достойную материальную и духовную жизнедеятельность. Так, чтобы декларируемая в официальных документах связь между трудом и благополучием могла быть восстановлена и гарантирована не на уровне риторики, а в повседневной практике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Леонидова Г. В., Димони К. О. Трудовой потенциал молодежи: запросы современного рынка труда // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25, № 6. С. 7–31. DOI 10.15838/ptd.2021.6.116.1. EDN BLGEHD.
2. Топилин А. В., Воробьева О. Д., Максимова А. С. Воспроизводство трудового потенциала в период депопуляции 2019–2035 гг. и компенсирующая роль миграционного фактора // Статистика и Экономика. 2019. Т. 16, № 5. С. 70–84. DOI 10.21686/2500-3925-2019-5-70-84. EDN VUSWBM.
3. Солодовникова О. Б., Малькова Е. Е., Тынкова П. И. «Шансы удовлетворительные»: что препятствует трудоустройству молодежи в условиях кадрового голода? // Социология власти. 2024. Т. 36, № 4. С. 161–184. DOI 10.22394/2074-0492-2024-4-161-184. EDN ADSFHJ.
4. Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Состояние и возможности укрепления трудового потенциала России (на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 г.) // Регионология. 2024. Т. 32, № 3 (128). С. 563–583. DOI 10.15507/2413-1407.128.032.202403.563-583. EDN KTFFRF.
5. Марков Д. И. Представления городской молодёжи о карьерных возможностях и отношениях в сфере труда // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 4. С. 128–139. DOI 10.24412/1561-7785-2024-4-128-139. EDN OTXZWR.
6. Hu Sh., Shen X., Creed P. A., Hood M. The relationship between meritocratic beliefs and career outcomes: The moderating role of socioeconomic status // Journal of Vocational Behavior. 2020. Vol. 116. Article 103370. DOI 10.1016/j.jvb.2019.103370. EDN IHCPNB.
7. Smith T. Do human capital adjustments protect youths from structural change? // FRB of Dallas Working Paper. 2024. № 2411. DOI 10.24149/wp2411. EDN PKLVYG.
8. McKenzie M. de. J. Young investors, precariousness, and the maturing asset economy // Finance and Society. 2025. Vol. 11 (1). P. 21–35. DOI 10.1017/fas.2024.20. EDN VNCEGK.
9. Yonas Abrha A. Legitimacy of labor market policy: public attitudes towards welfare state responsibility for job creation // Corvinus Journal of Sociology and Social Policy. 2025. Vol. 16, № 1. P. 81. DOI 10.14267/cjssp.2025.1.4. EDN VBARVM.
10. Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Москва : Наука, 2018. 350 с. ISBN 978-5-02-040118-1. EDN VKRCMM.
11. Cohen R. L. The sociology of self-employment: a typology and reconciliation // Sociology. 2025. Vol. 59, № 5. P. 905–924. DOI 10.1177/00380385251324563. EDN TLAIFA.
12. van der Meer T. Democratic input, macroeconomic output and political trust // Handbook on political trust. Cheltenham : Edward Elgar Publ, 2017. P. 270–284. DOI 10.4337/9781782545118.00028.
13. Mitrea E. C., Mühlböck M., Warmuth Ju. Extreme pessimists? Expected socioeconomic downward mobility and the political attitudes of young adults // Political Behavior. 2021. Vol. 43 (2). P. 785–811. DOI 10.1007/s11109-020-09593-7. EDN UZPYLU.
14. Подобный В. В. Экономический базис легитимности политической власти в современной России: состояние и проблемы упрочения // Власть. 2015. № 1. С. 49–54. EDN WAVRYF.
15. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. Москва : Наука, 1996. 304 с. EDNSJWZYB.
16. Буторов А. С., Булкин В. В. Участие молодёжи в общественно-политической жизни США в 2020 году // Мировая политика. 2021. №1. С. 1–15. DOI 10.25136/2409-8671.2021.1.35166. EDN YKDDFR.
17. Левашов В. К., Великая Н. М., Шушпанова И. С., Гребняк О. В., Новоженина О. П. Как

- живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года. Москва : ФНИСЦ РАН, 2025. 106 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025. EDN ERLAQU.
18. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. Москва: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020. EDN BNSNDA.
19. Дементьева И. Н. Опыт применения индексного метода в социологических исследованиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. №4 (122). С. 15–23. DOI 10.14515/monitoring.2014.4.02. EDN SNHXPR.
20. Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений: социальная и социально-политическая ситуация / В. К. Левашов, Н. В. Березина, Н. М. Великая [и др.]. Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2024. 432 с. ISBN 978-5-89697-428-4. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-428-4.2024. EDN LKXTHH.
21. Levashov V. K., Velikaya N. M., Savinkov V. I. Socio-political stability of Russian society as a criterion of the legitimacy of the state // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2025. Vol. 18, № 2. P. 57–75. DOI 10.15838/esc.2025.2.98.3. EDN ORTNLU.
22. Capati A., Christiansen T. Legitimacy and political dissensus in the implementation of the Recovery and Resilience Facility: the case of Italy // European Political Science. 2025. Vol. 24, № 3. P. 553–577. DOI 10.1057/s41304-025-00538-4. EDN OIFICG.
23. Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т.28, № 4. С. 56–74. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.5. EDN QATYVU.
24. Дагаева И. А., Проскурина А. В., Феоктистова О. С., Линева Е. Л. Восприятие социальной справедливости студенческой молодежью (по материалам Псковской области) // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2025. № 2. С. 148–154. DOI 10.34773/EU.2025.2.25. EDN PIQFBE.
25. Тощенко Ж. Т. Социология труда: генезис идей в контексте мировых и российских реалий (опыт нового прочтения) // Мир России. Социология. Этнология. 2004. Т. 13, № 4. С. 40–61. EDN OCYARX.
26. Медведев Д. А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5–28. DOI 10.32609/0042-8736-2018-10-5-28. EDN YCKJBR.
27. Arnold D. Gramsci, Polanyi and the Labor Politics of Social Protection // Journal of Labor and Society. 2024. Vol. 27, № 3. P. 441–462. DOI 10.1163/24714607-bja10152. EDN NUJSIN.

REFERENCES

1. Leonidova, G. V., Dimoni, K. O. (2021) Labor potential of young people: demands of contemporary labor market. *Problems of Territory's Development*, 25 (6), pp. 7–31. <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.6.116.1>. <https://elibrary.ru/blgehhd>.
2. Topilin, A. V., Vorob'eva, O. D., Maksimova, A. S. (2019) The labor potential reproduction in depopulation period of 2019–2035 and the compensating role of migration. *Statistics and Economics*, 16 (5), pp. 70–84. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-5-70-84>. <https://elibrary.ru/vuswbm>.
3. Solodovnikova, O. B., Malkova, E. E., Tynkova, P. I. (2024) Employment Chances Are “Satisfactory”: What Prevents Young People from Finding a Job in Conditions of Personnel Shortage? *Sociology of Power*, 36 (4), pp. 161–184. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-4-161-184>. <https://elibrary.ru/adsfhj>.
4. Lipatova, L. N., Gradusova, V. N. (2024) State and Possibilities of Strengthening the Labor Potential of Russia (Based on the All-Russian Population Census 2020). *Russian Journal of Regional Studies*, 32 (3), pp. 563–583. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.563-583>. <https://elibrary.ru/ktffrf>.
5. Markov, D. I. (2024) Urban youth's views about career opportunities and relations in the field of labor. *Narodonaselenie [Population]*, 27 (4), pp. 128–139. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-128-139>. <https://elibrary.ru/otxzwr>.
6. Hu, Sh., Shen, X., Creed, P. A., Hood, M. (2020) The relationship between meritocratic beliefs and career outcomes: The moderating role of socioeconomic status. *Journal of Vocational Behavior*, 116 (A), article 103370. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2019.103370>. <https://elibrary.ru/ihcpnb>.
7. Smith, T. (2024) Do human capital adjustments protect youths from structural change? *Federal Reserve Bank of Dallas Working Paper*, № 2411. <https://doi.org/10.24149/wp2411>. <https://elibrary.ru/pklvyg>.
8. McKenzie, M. de J. (2025) Young investors, precariousness, and the maturing asset economy. *Finance and Society*, 11 (1), pp. 21–35. <https://doi.org/10.1017/fas.2024.20>. <https://elibrary.ru/vncegk>.
9. Yonas Abrha, A. (2025) Legitimacy of labor market policy: public attitudes towards welfare state responsibility for job creation. *Corvinus Journal of Sociology and Social Policy*, 16 (1),

- article 81. <https://doi.org/10.14267/cjssp.2025.1.4>. <https://elibrary.ru/vbarvm>.
10. Toshchenko, Zh. T. (2018) Precariat: From Proletariat to New Class. *Moscow: Nauka*, 350 p. <https://elibrary.ru/vkrcmm>.
 11. Cohen, R. L. (2025) The Sociology of Self-Employment: A Typology and Reconciliation. *Sociology*, 59 (5), pp. 905–924. <https://doi.org/10.1177/00380385251324563>. <https://elibrary.ru/tlaifa>.
 12. van der Meer, T. W. G. (2017) Democratic input, macroeconomic output and political trust. *Handbook on Political Trust*, pp. 270–284. <https://doi.org/10.4337/9781782545118.00028>.
 13. Mitrea, E. C., Mühlböck, M., Warmuth, J. (2021) Extreme Pessimists? Expected Socioeconomic Downward Mobility and the Political Attitudes of Young Adults. *Political Behavior*, 43 (2), pp. 785–811. <https://doi.org/10.1007/s11109-020-09593-7>. <https://elibrary.ru/uzpylu>.
 14. Podobnyj, V. V. (2015) The economic basis of the legitimacy of the political authority in modern Russia: the state and the problems of its strengthening. *Vlast'*, (1), pp. 49–54. <https://elibrary.ru/wavryf>.
 15. Diligenskiy, G. G. (1996) Socio-political psychology. *Moscow: Nauka*, 304 p. <https://elibrary.ru/sjwzyb>.
 16. Butorov, A. S., Bulkin, V. V. (2021) Youth participation in socio-political life of the U.S. in 2020. *World Politics*, (1), pp. 1–15. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2021.1.35166>. <https://elibrary.ru/ykddfr>.
 17. Levashov, V. K., Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S., Grebnyak, O. V., Novozhenina, O. P. (2025) How are you, Russia? Express information. 55th stage of the All-Russian sociological monitoring, May 2025. *Moscow: FCTAS RAS*, 106 p. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025>. <https://elibrary.ru/erlaqu>.
 18. Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2020) The Youth of Russia under the Lens of Sociology: Results of Years of Research. *Moscow: FCTAS RAS*, 688 p. <http://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020>. <https://elibrary.ru/bnsnda>.
 19. Dement'eva, I. N. (2014) Experience of using the index method in sociological studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), pp. 15–23. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.02>. <https://elibrary.ru/snihxp>.
 20. Levashov, V. K., Berezina, N. V., Velikaya, N. M. et al. (2024) Russian society and state: foundations of sustainability and trends of change. Social and socio-political situation. *Moscow: FCTAS RAS*, 432 p. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-428-4.2024>. <https://elibrary.ru/lkxthh>.
 21. Levashov, V. K., Velikaya, N. M., Savinkov, V. I. (2025) Socio-political stability of Russian society as a criterion of the legitimacy of the state. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18 (2), pp. 57–75. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.2.98.3>. <https://elibrary.ru/ortnlu>.
 22. Capati, A., Christiansen, T. (2025) Legitimacy and political dissensus in the implementation of the Recovery and Resilience Facility: the case of Italy. *European Political Science*, 24 (3), pp. 553–577. <https://doi.org/10.1057/s41304-025-00538-4>. <https://elibrary.ru/oifcg>.
 23. Zubok, Y. A., Seliverstova, N. A. (2022) Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth. *Science. Culture. Society*, 28 (4), pp. 56–74. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5>. <https://elibrary.ru/qatyvu>.
 24. Dagaeva, I. A., Proskurina, A. V., Feoktistova, K., Lineva, E. L. (2025) Perception of social justice by students (based on the materials of the Pskov region). *Economics and Management: Scientific and Practical Journal*, (2), pp. 148–154. <https://doi.org/10.34773/EU.2025.2.25>. <https://elibrary.ru/piqfbe>.
 25. Toshchenko, Zh. T. (2004) Sociology of labor: Genesis of ideas in the context of the world and Russian realities (an attempt of new interpretation). *Mir Rossii*, 13 (4), pp. 40–61. <https://doi.org/10.24412/fezsfaxwoqq>. <https://elibrary.ru/ocyarx>.
 26. Medvedev, D. A. (2018) Russia-2024: the strategy of social and economic development. *Voprosy Ekonomiki*, (10), pp. 5–28. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-10-5-28>. <https://elibrary.ru/yckjbr>.
 27. Arnold, D. (2024) Gramsci, Polanyi and the Labor Politics of Social Protection. *Journal of Labor and Society*, 27 (3), pp. 441–462. <https://doi.org/10.1163/24714607-bja10152>. <https://elibrary.ru/nujsin>.